

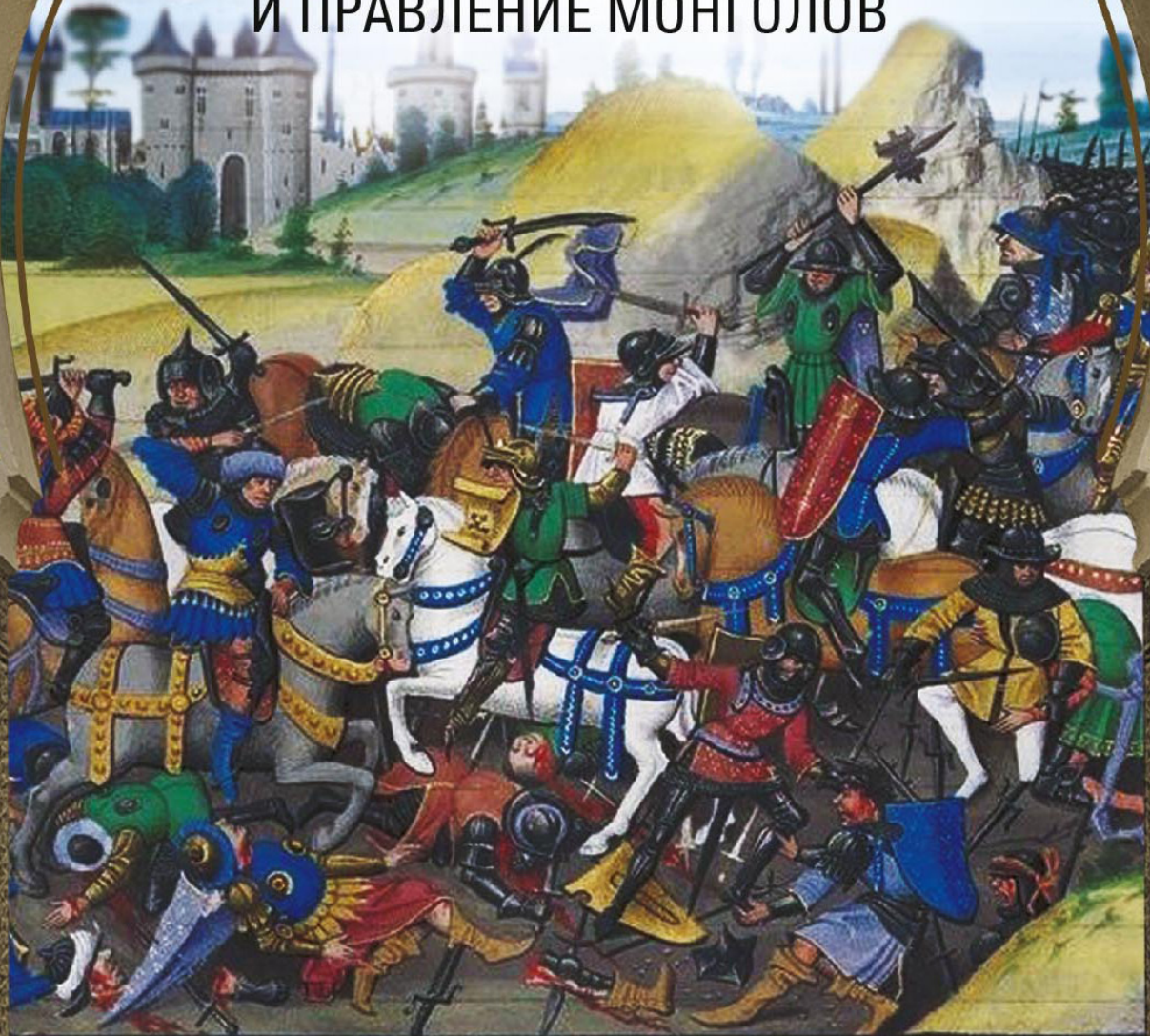
КЛОД КАЗН

ТУРЦИЯ

ДО ОСМАНСКИХ
СУЛТАНОВ

1071—1330

ИМПЕРИЯ ВЕЛИКИХ
СЕЛЬДЖУКОВ,
ТЮРКСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ПРАВЛЕНИЕ МОНГОЛОВ



Клод Каэн

**Турция до османских султанов.
Империя великих сельджуков,
тюркское государство и
правление монголов. 1071–1330**

«Центрполиграф»

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)

Каэн К.

Турция до османских султанов. Империя великих сельджуков,
тюркское государство и правление монголов. 1071–1330 /
К. Каэн — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5526-9

Историк-востоковед, специалист по исламу профессор Клод Каэн в своем труде о средневековой Турции рассматривает ее как предтечу Османской империи. Давая общую картину великой эпохи Сельджукидов, он рассказывает не только об особенностях мусульманского Востока, но и о политическом и религиозном противостоянии населявших Азию династий – Аббасидов, Саманидов, Буидов, тех же Сельджукидов и др., а также различных кланов шиитов, суннитов... подрывавших основы враждебных им режимов. Немалое внимание автор уделяет различным социальным, экономическим и институциональным проблемам в Турции домонгольского периода и изменениям, вызванным монгольским нашествием, распадом образовавшейся империи и ростом княжеств нового типа, возникавших на развалинах как византийского, так и сельжукского государств. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5526-9

© Каэн К.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Тюрки и их исламизация до сельджуков	6
Особенности мусульманского Востока в XI веке	14
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Клод Каэн
Турция до османских султанов.
Империя великих сельджуков, тюркское
государство и правление монголов

Моим жене и детям

CLAUDE CAHEN
PRE-OTTOMAN TURKEY
1071–1330
A GENERAL SURVEY OF THE MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE AND
HISTORY

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Введение

Тюрки и их исламизация до сельджуков

Считается, что тюрки принадлежат к урало-алтайской ветви (точные границы которой в любом случае очень неопределенны) народов, которые называют «желтой расой» (куда, возможно, входят также все или часть американских «краснокожих»). Сравнительно более близкое отношение к тюркам, чем, например, китайцы, имеют угро-финны (финны и венгры), самоеды (ненцы), тунгусы (эвенки) и, в особенности, монголы. Однако практически наверняка самыми ранними известными в истории тюрками – хотя их так и не называли – были гунны. Из китайских анналов, самые ранние из которых относятся к III веку до н. э., известно, что после спешной миграции на запад гунны, в конце концов, создали в самом сердце Европы империю Атилы (V в. н. э.). Собственно под именем «тюрки» (смысл этого слова до конца не определен) они появляются одновременно в китайских источниках на Востоке и в византийских на Западе в VI веке н. э. на территории современной Монголии, но уже очень скоро расширяют ареал своего проживания на юг и на запад. Достаточно сложно детально воссоздать их историю в течение следующих двух-трех веков, поскольку сторонние источники, изредка упоминающие их, и даже тюркские надписи, появляющиеся в VIII веке и практически все ограничивающиеся Монголией, называют последовательности имен, которые могут показаться перечнем различных народов, но которые на самом деле, скорее всего, не более чем перечень различных политических групп или племенных объединений в определенных меняющихся границах, содержащий части тех же народов под разными названиями. Специалисты настолько не уверены в деталях, что мы можем опираться всего на одну-две вехи. В VI веке тюркская «империя» (Тюркский каганат) существовала в северной части территорий от Сырдарьи (Яксарта) до границ Сибири и от Алтая до Волги. Это надолго сохранилось в памяти тюрков и даже других народов Центральной Азии. На юго-востоке Алтая, в Монголии, а также на территории, называемой китайским Туркестаном, доминировала народность огузы (позже называемая арабо-персидскими авторами гузы). Они сформировали несколько различных объединений, или государств, известных, среди прочего, под названием докуз-огузы (девять огузов), или уйгуры (с главным центром вблизи Кашгара). До их экспансии эти два Туркестана были населены индоевропейскими народами, которых классические авторы называли скифами, сарматами, согдийцами и бактрийцами и т. д., а современные исследователи выделяют также тохаров и др. Нет сомнения, что тюркская экспансия уничтожила или отбросила некоторые из этих общностей, но в других случаях определенно имело место взаимопроникновение, смешение. Есть основания считать, что название одного из племени огузов – «догеры» – напоминает название «тохары», а описание, даваемое современниками одному из народов, связанных с огузами, – киргизов, которые сегодня, бесспорно, относятся к тюркам, – применимо в прошлом скорее к кочевникам арийской расы скифского типа. В конечном счете, хотя ни одна из вышеупомянутых групп не распространилась на запад за пределы Волги, южные и центральные территории современной России до низовий Дуная до сих пор населяют потомки гуннов, которые в большей или меньшей степени смешались с «местным» населением финского или славянского происхождения, сформировав, среди прочих, волжских булгар, проживавших на Средней Волге, и хазар, которые в VII и в VIII веках были доминирующим народом на побережье Черного моря к востоку от Крыма, прилегающих к нему степях, на Каспии и на Кавказе. В конце VII века от булгар отошла ветвь, которая в конечном счете основала то, что после славянизации стало современной Болгарией.

Очевидно, что по мере того, как тюрки расселялись на этих огромных пространствах, различные части тюркской общности, занимая территорию, теряли свое единство. Более того, ближайшие к Китаю подвергались китайскому влиянию, ближайшие к Византии – византийскому влиянию, ближайшие к Ирану и границам Согдианы и Хорезма – иранскому влиянию, в то время как те, что проживали между Аральским морем и Сибирью и не контактировали с более развитыми культурами, оставались самыми «примитивными». В любом случае большая часть из них не имела письменности, и, как результат (должны повторить), помимо некоторых археологических находок мы знаем о них только по случайным и неизбежно внешним запискам иностранных авторов: византийских, китайских и позднее арабо-персидских. Тем не менее в VIII и IX веках в Монголии тюрки, используя два последовательно существовавших алфавита, оба фонетических (в отличие от китайского) и, возможно, полученных от согдийцев, оставили на берегах Орхона многословные надписи, которые, будучи найденными и расшифрованными, дают нам более непосредственные знания об условиях, в которых они были созданы. В этот период географические условия, общие для всех стран, где проживали тюрки, и объясняющие их экспансию, стали причиной схожести их скотоводческой экономики (основанной на разведении устойчивого к холоду азиатского верблюда) и их племенной общественной организации. Однако их кочевничество не следует преувеличивать. В тех зонах, которые находились в контакте с другими культурами и одновременно являлись определенными транзитными точками и местами пересечения их миграционных путей, имеются следы поселений этих людей. Это настоящие оазисы полуседлого тюркского населения, и, даже несмотря на жилища, характерные для кочевников, они являлись местом скопления и, как, например, на Орхоне, настоящими столичными городами жителей, живущих в таких строениях. Кроме того, не все животные следуют одним и тем же кочевым привычкам. Так, сезонные миграции овец отличаются от продолжительных переходов верблюдов. Но определенно то, что природа этих мест и образ жизни человека в меньшей степени способствовали рождению идей частного обладания землей и установления границ, чем идей ее совместного использования и стремления к мировому господству. Однако даже в этих «империях» каждое племя сохраняло свою автономию. Их объединения носили очень свободный характер и могли в течение короткого времени трансформироваться от огромных образований до почти полной дезинтеграции и наоборот; в один день идти за вождем, а на следующий день отречься от него – несмотря на то что иногда он был очень знаменит, являлся всего лишь их предводителем в военных действиях. Слово «хан», или «каган», которым его называли, вероятно, имеет тохарское происхождение. В сообществах, проживавших вблизи сложившихся государств, могли возникать различные более стабильные отношения. Например, среди хазар, соседствовавших с Византией. С военной точки зрения часто отмечается устойчивое превосходство находящихся в состоянии постоянной мобилизации кочевников над их цивилизованными оседлыми соседями. Тюрки унаследовали от скифов искусство тактического маневра и стрельбы из лука с лошади, что на многие века сделало их грозным противником.

Говоря о внешних влияниях, заметим, что они имели место не только на границах. Во времена тюрков, как и до них, из Китая, из Индии и особенно из Согдианы тянулись пути, по которым шли пилигримы и торговцы. Не на всех путях движение происходило с одинаковой интенсивностью, но по всем этим путям в центры расселения тюркских племен проникали адепты веры и купцы. Сильнее всего их влияние ощущалось в духовной сфере. Тюрки в большинстве своем относились к тем, кого принято называть «шаманистами», приверженцами определенных верований и практик, в которых их направлял шаман – своего рода прорицатель и колдун. В основном эти верования представляли собой идеи и ритуалы, связанные с землей, возвышенные представления о небе и т. д., носящие весьма расплывчатый характер и не имеющие существенного влияния на повседневную жизнь. Однако похоронные обряды тюрков, во всяком случае для их вождей, предполагали совершенно ясные представления о загробной

жизни. Но очень скоро китайские и индийские пилигримы, миссионеры из христиан-несториан и манихеев, шедшие из Ирака через запретные земли Ирана и дальше на запад, иудейские купцы – все они привели к тому, что многие тюрки познакомились и приняли их религии. Это достигало такого масштаба, что сегодня в значительной степени именно на основе индийских, согдийских, сирийских и других текстов, найденных на территории проживания тюрков, за пределами досягаемости преследований, а позже даже на базе текстов на тюркском языке, современные ученые могут дополнить недостаточные документальные источники, сохранившиеся в странах происхождения манихейства и других религий, для реконструкции их истории. Позже за ними последовал ислам, распространявшийся теми же путями и методами.

В X веке давление нового, в большей или меньшей степени монголоидного, населения вынудило тюрков уйти с земель, служивших базой для их экспансии и ареной их независимого культурного развития. Монголия стала тем, что подразумевает ее название, и там (в отличие от китайского Туркестана) почти совсем не осталось тюркского населения, если не считать земель к западу от Алтая. Но благодаря цепной реакции похожего типа рост тюркского населения в этих регионах вынудил некоторых тюрков, живших между Алтаем и Волгой, предпринять новую миграцию на запад и на юг. В то время как карлуки заняли пути между двумя Туркестанами, огузы обосновались к северу от низовий Сырдарьи и Аральского моря, оттеснив своих «двоюродных братьев» печенегов, которые к IX веку сами подвинули своих финно-угорских и слегка отуреченных соседей мадьяров и венгров в сторону Европы. В XI веке печенегам пришлось уйти в низовья Дуная и воевать против Византии, по пути уничтожив государство хазар, которые в это же время подверглись атаке со стороны русо-норманнов¹. За ними по пятам последовала часть огузов, которых византийцы называли «узой», и в то же время другие огузы – о них мы поговорим позже – двинулись на юг, напирая на границы Ирана, а их место заняли кипчаки (известные также как куманы, или половцы, в зависимости от региона) и так далее.

С середины VII века у тюрков Центральной Азии появляются новые соседи с юга – арабы-мусульмане². По мере того как население, которое завоевали арабы, постепенно принимает мусульманство, новые религиозные деятели и купцы – теперь это мусульмане – проникают на тюркские территории по сложившимся маршрутам, и даже военные столкновения и грабительские набеги, за которыми следует обмен пленными, способствуют ознакомлению тюрков с новой религией и культурой соседей или, по меньшей мере, некоторыми ее аспектами. Нет никаких реальных оснований сомневаться, что ислам до некоторой небольшой степени распространился и среди хазар, хотя их верхушка в большинстве своем исповедовала некую разновидность иудаизма. На Балканском полуострове, куда ушла часть болгар, обнаружены надписи из Корана, относящиеся к IX веку, хотя в это время они находились в процессе принятия христианства. Но наиболее впечатляющие успехи в проникновении ислама на территории, которые можно в какой-то степени считать тюркскими, отмечались среди волжских болгар (булгар). По причинам, среди которых военные и политические нужды играли не менее важную роль, чем пропаганда и религиозная эволюция, правитель волжских булгар в 920 году отправил халифу Аббасидов в Багдад просьбу не только спроектировать для него фортификационные сооружения, но и прислать ученых, способных разъяснить ему исламскую религию. В состав миссии, отправленной к нему через Центральную Азию (более отлаженный маршрут, чем тот, что шел через Кавказ, избегая Хазарию), входил некто Ибн Фадлан, который оставил нам свои записки – документ чрезвычайной важности в отношении обычаев, которые он наблюдал, людей, о которых, если бы не он, мы бы почти ничего не знали. Городище Булгар, обширные руины которого сохранились до наших дней, возможно, имело определенную зна-

¹ Хазарский каганат был уничтожен в ходе грандиозного похода киевского князя Святослава в 965 г. А печенеги вторглись в этот регион еще в IX в., после разгрома русскими каганата резко активизировались, в XI в. (в 1036 г.) были разбиты князем Ярославом Мудрым, после чего часть их откочевала в Венгрию. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² В 751 г. арабское войско разгромило китайскую армию на р. Талас, и контроль над Средней Азией перешел к арабам.

чимость уже в то время. Однако удаленность этого государства от мусульманского мира не позволила ему стать крупным центром исламской культуры или сыграть важную роль в исламизации других тюрков, тем более что их разные ветви говорили на разных языках. Исламизация тюрков, по сей день живущих на территории России, произошла позже, в XIII веке, благодаря монгольским завоеваниям, которые мы, следуя задачам данной книги, оставим в стороне.

С точки зрения последствий огромную роль сыграли контакты ислама с тюрками в Центральной Азии, хотя нужно тщательно различать отдельные их типы и этапы. В то время, когда завоевания арабов достигли Центральной Азии и Афганистана, некоторые тюркские общины уже обосновались там и постепенно интегрировались с коренным населением в то, что впоследствии стало мусульманскими государствами. В Фергане и окружающих ее областях они образовали мелкие княжества, главы которых назывались «афшины», «ихшиды» и т. д. и вели оседлый образ жизни, в отличие от традиций более ранних княжеств, существовавших в приграничных с Ираном областях. Будучи хорошими воинами, они исламизировались ровно настолько, чтобы их ассоциировали с мусульманскими армиями и, в конечном счете, стали нанимать в этом качестве в других регионах исламского мира. Мы знаем знаменитого Афшина (Хайдара ибн Кавуса, известного под этим титулом, ставшим его именем), который в 830-х годах подавил восстание еретика Бабека в Азербайджане, а менее века спустя ихшид (титул, присвоенный халифом князю Ферганы) был назначен аббасидским халифом автономным правителем Египта (Ихшидиды правили здесь в 935–939 гг.).

Тем не менее подобные случаи наемничества среди тюрков не носили массового характера и мало затрагивали основную массу тюркского населения, остававшегося за пределами ислама. Однако халифы и правители государств-преемников понимали ценность этих людей как воинов, их особые достоинства (например, в качестве конных лучников), в которых им не было равных среди подданных империи, владевших другими, хорошо дополнявшими их навыками. Кроме того, халифат убрал из своей армии арабов (которые из-за своих религиозно-политических разногласий были слишком сильно разобщены, чтобы оставаться абсолютно лояльными) и стал с подозрением относиться к хорасанцам (иранцам с северо-востока страны), которыми Аббасиды заменили арабов и от которых слишком сильно зависели; они были свободными людьми и потому недостаточно надежными. С середины IX века хорасанцам стали предпочитать тюрков или, по меньшей мере, брать их в дополнение к хорасанцам, но они были рабами, захваченными в войнах в немусульманской части Центральной Азии, полученными в счет уплаты дани или просто купленными и потом воспитанными как мусульмане. Вопреки ожиданиям, они создали еще больше проблем, чем их предшественники, но эти проблемы нас не интересуют. Здесь же следует подчеркнуть, что набирать рабов такого сорта – их фактический статус, естественно, был гораздо выше, чем у обычных рабов, принадлежащих частным лицам, – видимо, никогда не составляло труда и никогда не вызывало сожаления у самого тюркского населения, среди которого их отбирали. Рабство в то время ни у кого не вызывало возмущения, возникшего гораздо позже. Это был способ заработать денег и пристроить своих детей. Как бы то ни было, со второй половины IX века большую часть военной верхушки, а вскоре, как следствие, и политических институтов, стали занимать турки из числа рабов, которым удавалось быстро продвинуться. В течение последней трети века Египет был практически независимым и управлялся одним из них, Ахмадом ибн Тулуном и его сыном, у которых халифат отобрал страну назад, после чего был вынужден передать его Ихшиду, о чем мы уже упоминали. Трудно поверить, что у тюрков, среди которых происходил этот отбор, не возникало идеи создания тюркского мира. Впрочем, те, кого забирали совсем молодыми, становились чужими для тюрков и больше не возвращались к ним и не вступали с ними в контакт. Этих молодых людей брали, чтобы воспитать в другой культуре, и они не несли в мусульманский мир никакого по-настоящему тюркского духа, а своим тюркским родственникам ничего исламского и подавно. Поэтому в данной книге мы можем до определенной степени забыть

о них. Более того, позднее, когда собственно тюрки завоевывали мусульманские земли, эти другие тюрки не в последнюю очередь сопротивлялись завоевателям. И вопрос об их «национальных» чувствах не возникал.

Определенно гораздо важнее исламизация, имевшая место на границах исламского и тюркского миров, поскольку она знаменовала проникновение новой религии в среду самих тюркских народов. Ислам, с которым они знакомились, был вполне определенного сорта. Это был не ислам великих ученых, а тот, который проповедовали простые странствующие монахи, торговцы разного уровня культуры и солдаты. Он включал в себя различные практики, слова и амулеты в неменьшей степени, чем истинные догмы. Это не был ислам с его спорами между различными сектами (хотя различные секты могли посылать туда своих представителей) из-за отсутствия понимания этих различий у новых приверженцев, а также незнания того, с кем им следует соотносить ту веру, которую они принимали. Это был довольно универсальный примитивный ислам, который вел войну со своими «неверными» соседями. На границах долгое время существовали «гази» – воины-добровольцы, сражавшиеся за веру, которых набирали как среди местных жителей, так и из других мест. Эти добровольцы очень сильно отличались от солдат регулярных армий, которые все больше отстранялись от «священной войны». Добровольцы ничего не завоевывали, они лишь совершали «газвы» (или «разы») – налеты, с помощью которых выражали свое презрение к неверным. В то же время в промежутках между этими налетами их связи с соседями развивались путем переговоров по поводу обмена пленными и добычей или просто благодаря тому, что близость мест проживания и неизбежное сходство образа жизни, которую они вели в одинаковых природных условиях, способствовали росту взаимопонимания. Среди этих «гази» были и тюрки, и их число увеличивалось по мере роста числа обращений в ислам. Это еще больше упрощало взаимоотношения, пока границы с обеих сторон не перестали существовать: мусульманская территория перестала быть запретной для тюрков, ставших мусульманами, а старые тюркские земли все больше становились территорией неограниченного продвижения ислама. Именно в этот период появляется слово «туркмен», происхождение и значение которого одинаково неизвестны и которое служило, чтобы отличать кочевых тюрков-мусульман от оседлых тюрков и от кочевников-тюрков, остававшихся необращенными. Полностью значение всего этого проявится позже.

Даже больше, чем христианство в отношении европейских народов за пределами территории, подвергавшейся романизации, и чем другие религии в разных странах, ислам показал себя – где бы он ни был принят – не только как догма, форма поклонения, образ частной жизни, а еще и как принцип высшей политической организации, что является фактом как для Нового времени и даже современности, так и для Средневековья. Нельзя забывать, что в дополнение к религии в узком смысле, в котором мы обычно используем это слово, пророк Мухаммед создал общину, и что закон, управляющий отношениями между членами этой общины, тот же самый, что существует в отношениях ее членов с их Богом. Хотя справедливо, что проникновение ислама в среду обычных людей было достаточно скромным, однако очевидно, что в какой-то момент он был принят правителями по причинам, в которых духовные мотивы и политические интересы были сложным образом и в определенной мере сознательно объединены, и обращение правителей до некоторой степени повлекло за собой, или подстегнуло обращение их народов, а сопротивление, с которым они столкнулись, имело под собой как социальные основания, так и их приверженность традиционной вере. Нет сомнений, что обращение, которое мы вскоре после этого наблюдаем среди некоторых тюркских групп, сочетает в себе все эти факторы.

Среди турецких ученых принято считать, что первым по-настоящему тюркско-мусульманским государством было государство Газневидов, возникшее во второй половине X века и охватывавшее два склона высокой горной страны (Гиндукуш и др.), которая соединяет (или разделяет) Восточный Иран (включая Хорасан) и бассейн Инда. Такой взгляд требует опре-

деленного обсуждения. Конечно, верно, что основатели военного княжества, из которого возникло это государство, а позднее его великие правители эмир Себук-тегин и султан Махмуд Газневи были тюрками и что их армия была тюркской – в том же смысле, однако, в котором и Ахмад ибн Тулун, и Ихшидиды, и половина войск в армии Аббасидов или Буидов тоже были тюрками. До того как получить свободу, эти люди служили государству Саманидов, но их статус и воспитание были такими же, как статус и воспитание Ибн Тулуна и ихшида Тугаджа. Определенно их относительная близость к землям тюрков, отношения, которые они могли поддерживать с правителями, по-прежнему проживавшими на этих землях, начавшееся проникновение исламизированного тюркского населения на территории, которыми они владели, – все это, возможно, придало их режиму более «тюркское» качество, чем у тех правителей тюркского происхождения, которые, уехав в далекие земли, стали правителями Египта или одно время в какой-то степени были правителями Ирака. Тем не менее этот «тюркский аспект» всегда нужно понимать в том смысле, в котором арабский писатель IX века аль-Джахиз прославлял достоинства тюрков, служивших мусульманскому сообществу, а не в смысле предвосхищения появления тюркской «нации». Себук-тегин и его предшественники воспринимались как отдельные личности, не связанные со своим народом, как и Ибн Тулун, Афшин (Хайдар ибн Кавус) и многие другие до них. Режим Газневидов был режимом, правители которого оказались тюрками, но они следовали традициям своих подданных – не тюрков, – имевших гораздо более богатое наследие, чем их собственное (насколько могли его накопить), и в целом являющихся продолжением традиций более раннего режима Саманидов, где правителями были иранцы. Национальность князей стала другой – что, конечно, могло иметь определенное значение, – но это не означало тюркского правления, как такового, с характерным для него устройством и традициями. Собственно говоря, те, кто сегодня полагает, что Газневиды были первыми правителями подлинного тюркско-мусульманского государства, отчасти стали жертвами своего рода перевернутой иллюзии, возникшей из-за того, что главный теоретик действительно тюркско-мусульманского государства Сельджукидов, иранец Низам аль-Мульк, чья прекрасная работа дошла до наших дней, вырос в Хорасане и постоянно приводил государство Газневидов в качестве модели. Следовательно, эта модель должна была стать лишь частичным образцом того, что следовало создать. Мы увидим, до каких пределов существовала эта преемственность в реальной жизни, но в любом случае такая преемственность значительно меньше фундаментальных различий, которые нужно делать между государствами, создававшимися под руководством тюрков, но в рамках существовавших ранее мусульманских политических каркасов и без массовой иммиграции тюркского населения как такового, и теми государствами, которые изначально базировались на такой миграции, образцы которых, как, например, государство Великих Сельджуков, безусловно, существуют. Я не говорю, что изучение правления Газневидов не представляет определенного специфического интереса с тюркской точки зрения по причинам, которые мы только что отметили. Но его следует правильно интерпретировать, и похоже, что в целом государство Газневидов с тюркскими правителями всего лишь следовало традициям более ранних государств, возглавляемых тюрками, и реальный разрыв с ними произошел позже, а не раньше. В любом случае нет оснований назвать какой-то институт *ipso facto* тюркским, потому что он возник при Газневидах.

С нашей точки зрения, первой по-настоящему существенной тюркско-мусульманской политической структурой является государство Караханидов. Во второй половине X века зафиксировано обращение в ислам и других общностей, но возможная связь Караханидов с какой-нибудь из них не выявлена, и только эта общность единственная пришла к созданию государства. Это государство, создание которого связано с полумифической фигурой Сатука Богра-хана (середина X века), вначале включало районы по обеим сторонам Алтая, и его двумя главными центрами были Кашгар (китайский Туркестан) и Баласагун (бассейн озера Балхаш). Оба они находились за пределами мусульманской территории. Но в конце X века благодаря

завоеваниям Саманидов – сначала при поддержке Газневидов, но позже вопреки им – к этой территории присоединился весь Мавераннахр (Трансоксания) от Сырдарьи (Яксарта) до Амударьи (Окса), иными словами, земля, глубоко исламизированная уже несколько столетий назад, этнически согдиано-иранская, где теперь поселилось большое число новых тюрков. Именно здесь мы находим по-настоящему оригинальное образование, элементы которого в разных регионах соединялись в разных пропорциях. Правителем Караханидов (иногда их называют илеки) был мусульманин, желавший обрести признание у тех из своих подданных, которые стали мусульманами уже давно. Чтобы соответствовать их идеалу мусульманского правителя, он строил в городах больницы, мечети, медресе (религиозные школы) и караван-сарай, в которых, согласно мусульманскому праву, щедро поступал вакуф (неотчуждаемое благотворительное имущество). Он даже позволял себе участвовать в теологических диспутах, по крайней мере если ему казалось, что сторонники какой-то определенной доктрины подрывают его авторитет или порицают его на том основании, что они «коренные жители» и на них держится его власть. Тем не менее он был человеком, чей титул табгач-хан (господин Катая) говорит о дальневосточных амбициях и контактах, и, более того, кочевником, жившим в палатке в окружении палаток тех, кто его сопровождал, известных как орду (орда), от слова, которое предстояло прославить монголам. Он был правителем, повелевавшим согласно мусульманскому представлению о правителе, но делал это в обществе, где тюркский элемент оставался организованным в соответствии с племенными традициями и где вся материальная и военная сила базировалась на этом элементе (но не на армии, набранной среди тюрков, а на той, которая состояла из рабов и была построена по примеру армии Аббасидов или даже тюркской армии Газневидов). Структура династии тоже была характерной для чуждых исламу представлений (хотя отчасти она же обнаруживается среди дейлемитов, наверняка потому, что они были новообращенными выходцами из очень архаичного общества). Между «принцами крови» не только делились территории империи, сюзереном которой являлся старший в семье (в самом широком смысле этого слова), но вся иерархия посредством смертей и рождений связывала тех, кто обладал титулом и территорией, с другими, в соответствии с местом, которое они в ней занимали. При этом вместо имен часто использовались их титулы, что обернулось для современных ученых «китайской шарадой», поскольку у одного человека могло быть несколько имен и нескольких людей могли называть одним и тем же именем.

Более того, хотя люди из мусульманских стран, где говорили на персидском (фарси), продолжали писать на этом языке, и иногда даже на арабском, жители государства Караханидов, похоже, не проявляли особого интереса к этим писаниям. Напротив, именно среди них родилась турецко-мусульманская литература (как будто и не было тюркской литературы Орхона, чей алфавит гораздо больше подходил к тюркским фонемам, чем арабо-персидский алфавит того времени). Хотя позже они писали для халифа Багдада, но именно из них вышел Махмуд аль-Кашгари, чей «*Diwan lugat at-turk*» – турецкий энциклопедический словарь, стал настоящим кладом невероятно полной и глубокой информации по всем вопросам. Именно ими была написана «Поэма мудрости» – «*Kudatku Bilik*», произведение, не представляющее большого интереса, однако это первое успешное изложение идей новой религии на тюркском языке. И в самом конце их господства именно среди них начал творить поистине мистический поэт Ахмед Ясави. В этом отношении Караханиды значительно опередили Великих Сельджуков и даже слегка обошли Сельджукидов Центральной Азии.

В плане политики история может рассказать о них меньше, чем о других, поскольку они так и остались жить на ограниченной территории, мало пересекаясь с жизнью тех стран, где имелаась богатая литература, посвященная делам и достижениям их правителей, и поскольку они очень скоро оказались под властью сельджуков, прежде чем в XII веке были уничтожены родственными монголам язычниками каракитаями. Тем не менее значение Караханидов по-

прежнему остается выдающимся, если смотреть на них с точки зрения сравнения истории тюркских народов.

Поблизости от Караханидов, которые опирались в наибольшей степени на карлуков, огузы дальше к западу тоже создали политическое образование, в котором правитель (ябгу) сначала оставался язычником, но позже, примерно в 1000 году, обратился в ислам. Их центром был торговый город Дженд (Джент) в низовьях Сырдарьи, обширные развалины которого были открыты советскими учеными во время недавних раскопок. Получается, что в X веке существовал своеобразный альянс правителей Хорезма (полуавтономного вассала Саманидов в широкой дельте Амударьи на Аральском море и поворотного пункта в торговле с «русской» степью) с огузами и еще оставшимися хазарами против русо-норманнов, болгар и карлуков. Однако подъем огузов сильнее связан не с этим объединением, которое было недолгим, а с историей группы племен, ведущей к Сельджукидам, к которым мы должны теперь перейти.

Особенности мусульманского Востока в XI веке

Чтобы понимать последующие события, необходимо коротко коснуться определенных аспектов мира мусульманского Востока XI века. Теоретически Багдадский халифат Аббасидов продолжали признавать на большей части мусульманской Азии, но фактически эта территория была разделена как в политическом, так и в религиозном смысле. Мы видели, что на востоке Саманиды были свергнуты Караханидами и Газневидами. Обе эти династии принадлежали к так называемой суннитской ветви ислама, в политическом смысле признававшей законность халифата Аббасидов, в котором они видели подтверждение законности своей власти. Однако Центральный Иран и Ирак подчинялись происходившей из народа дейлемитов (обитавшего к югу от Каспия) династии Буидов, разделенной на несколько ветвей, которые были шиитами, иными словами, поклонялись потомкам двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда Али и дочери пророка Фатимы. Под их покровительством они сохраняли верность халифату Аббасидов, поскольку у шиитов той группы, к которой принадлежали они сами, – группы шиитов-двунадесятников – в то время не было собственного признанного претендента на лидерство, которого они могли бы поддержать, и поскольку престиж халифата позволял им проявлять терпимость к суннитам, составлявшим большинство во многих районах. Тем не менее ссоры между этими двумя общинами достигли точки кипения, а Буиды, хотя их предки были военачальниками и политиками, способными создать государство, превратились в марионеток, не способных даже поддерживать порядок. Как следствие, пошли разговоры о том, чтобы восстановить власть Аббасидов за счет вмешательства Газневидов, которые в то время одерживали победы и на индийском фронте, и в Центральном Иране, и на западе.

Помимо этих династий существовало множество других. Так, на побережье Каспия проживали различные кланы шиитов, на северо-западе Ирана на армяно-византийской и кавказской границе – курдские сунниты, в районе среднего течения Тигра – арабо-бедуинские шииты-двунадесятники (мосульские Укайлиды), в Алеппо – Мирдасиды, а в Диярбакире – снова курдские сунниты (Марваниды). Центральная Сирия, со своей стороны, принадлежала египетским Фатимидам, чье влияние было подавляющим в Аравии, в священных городах и в Йемене. Они тоже были шиитами, но совсем другого толка, исповедовавшими доктрину исмаилизма. И хотя они признавали права халифата по линии, восходящей к Фатиме и Али (отсюда их название), эти права они оплетали сетью доктрин, совершенно чуждых как суннизму, так и обычному шиизму, не говоря уже о том – и это более существенно с точки зрения наших нынешних взглядов, – что они организовали во всех странах мощную пропаганду, подрывавшую социально-политические и религиозные основы враждебных им режимов.

В конце IX и в X веке страсти временами успокаивались, хотя, что удивительно, в целом столкновения различных доктрин оставались ничем не ограниченными. Приверженцы каждой надеялись, что ее триумф одновременно станет средством преодоления недостатков, наблюдавшихся в управлении мусульманским обществом. XI век демонстрирует отход от этой точки зрения. Разочарование, вызванное результатами некоторых побед, утомительность бесплодных диспутов, сопротивление различных групп, угрожавших ортодоксальным режимам, – все это вело к упадку гетеродоксальной (то есть еретической) пропаганды, падению интереса к доктринальным спорам и увлечению полумистическими формами религии. Сила этого движения варьировалась в зависимости от региона, но особенно интенсивным оно было в Хорасане. Его последствия мы еще увидим.

Социально народы все сильнее попадали в подчинение к военным аристократиям, часто иностранным, из которых происходили их правители. Мы уже видели, какую роль среди этих аристократий играли тюрки. В той степени, в которой общества чувствовали поддержку со стороны этих режимов, они помогали им, но в других случаях сопротивлялись. В любом случае

массы не испытывали ничего, кроме равнодушия, как к личности своих правителей, так и к их династиям. Более того, поскольку они брались за оружие только в исключительных обстоятельствах, их чувства могли выражаться лишь незначительно. Этот факт является общим для многих средневековых обществ, но он особенно очевиден в исламе этого периода.

Теперь, имея ясное представление об этих фактах, мы должны обратиться к истории создания империи сельджуков.

Часть первая

Империя великих сельджуков

Глава 1

Возникновение империи сельджуков

В этой работе мы не ставим своей целью изложить подробную историю империи сельджуков, которая является частью истории Ирана в не меньшей степени, чем истории Турции. Тем не менее ее необходимо рассмотреть несколько более подробно, чем более ранние государства или объединения, не только потому, что она неразрывно связана с турецкой историей, но и потому, что правильное понимание того, чем стала Турция в Малой Азии, во многом зависит от предшествовавших идей, которые мы сформулируем с самого начала.

Династия Сельджукидов, давшая имя империи, обязана своим именем Сельджуку, вероятно, первому из ее представителей, который в конце X века, будучи уже в преклонном возрасте, стал мусульманином. Как всегда, происхождение этого рода, который в то время еще не был хорошо известен, окутано мраком. К середине XI века по просьбе будущего султана Алп-Арслана (в то время еще предполагаемого наследника своего отца) неизвестный автор собрал все, что удалось обнаружить, но даже тогда этого хватило всего лишь на неполный сборник рассказов, наполовину состоящих из легенд. Этот труд под названием «Малик-наме» утрачен, но несколько средневековых авторов успели им воспользоваться, и потому мы можем составить себе достаточно ясное представление о нем.

Согласно «Малик-наме», Сельджук был сыном Докака (Токака, Дукаки) – огуза, игравшего важную роль при дворе хазарского правителя. Вероятно, это означает, что он был одним из западных огузов, обитавших в зоне хазарского влияния между Волгой (или рекой Урал) и Аральским морем. Его потомки утверждали, что, хотя Докак (Токак) был язычником, он уже тогда принял сторону мусульман и, следовательно, вступил в конфликт с правителем³. Возможно, это всего лишь легенда, но ее можно интерпретировать в терминах политико-религиозных объединений в Центральной Азии, о которых сказано выше. Так или иначе, его сын Сельджук мог порвать со своим хазарским господином и уйти, чтобы осесть в районе Джэнды – торгового города, упоминавшегося ранее и расположенного на границах с тюркской степью и исламизированной Центральной Азией. Там он и умер в очень преклонном возрасте (по легенде, в 107 лет), но до этого уже в старости принял ислам одновременно со своими сыновьями, а именно вскоре после того, как в ислам обратились Караханиды. После этого Сельджук сам следовал традициям гази, сражаясь со степными тюрками-язычниками на границах с соседними мусульманскими народами, и постепенно между ними и его тюрками происходило взаимопроникновение. Однако три его сына, рожденные до обращения, носили имена Михаил, Израил и Моисей, что совершенно невозможно в исламе и предполагает какое-то библейское влияние: иудейское (от хазар) или несторианское. Не преувеличивая важность этого факта, как это иногда случается, – поскольку имена могли быть даны без сохранения их изначального значения – он тем не менее с очевидностью намекает на распространение среди огузов определенных традиций, либо иудейских (как среди хазар), либо несторианских (как среди их соплеменников в Центральной Азии, которых мы рассматривали выше). Однако для дальнейших событий это едва ли имеет существенное значение.

³ Это произошло после разгрома Хазарского каганата князем Святославом Игоревичем в 965 г.

После смерти Сельджука, похороненного в Дженде в гробнице, которую его потомки позже украсили, члены его рода разделились на две ветви. Михаил был убит еще молодым, Муса (Моисей) оказался не слишком активным, а относительных высот достиг Израил, известный также под тюркским именем Арслан (Лев), и два сына Михаила, Чагры-бек и Тогрул-бек. В результате обращения в ислам наконец облегчился их доступ на мусульманскую территорию к югу от Сырдарьи с того самого момента, когда Караханиды сначала угрожали Саманидам, а потом, после падения Саманидов (в 999 г.), одни Караханиды, которые сражались против других, почувствовали возрастающую необходимость в поисках какой-нибудь помощи. В конце концов, Арслан (Израил) обосновался в степи вблизи Бухары. Но его племянники, изгнанные из Дженды огузским ябгу, отделились от Израила и какое-то время жили с Караханидами дальше к северу. Однако в 1025 году – первая точная дата – все они вместе поступили на службу к Караханиду из Бухары Али-Тегину в то время, когда он потерпел поражение от Махмуда Газневи. В результате этого поражения Арслан (Израил) согласился переехать со своими людьми в Хорасан, где Махмуд хотел его поселить, чтобы вдали от Али-Тегина он стал ему надежным слугой. Чагры и Тогрул, со своей стороны, на время нашли приют в Хорезме, расположенном в широкой пойме Амударьи к юго-востоку от Аральского моря под защитой цепи пустынь и принадлежавшем одному из автономных вассалов Махмуда. Так история Сельджукидов разделилась на историю этих двух частей, которые не всегда правильно дифференцировались.



Империя Сельджуков в конце XII века

В последние годы жизни хорасанская ветвь рода Сельджука доставляла Махмуду больше проблем, чем пользы. Напрасно он держал в заложниках Израила, который, судя по всему, умер в крепости на границе с Индией. Скотоводы-огузы были не в состоянии уважать запрет на доступ в развитые, хорошо управляемые провинции. В 1029 году ему пришлось отправить их назад. Ускользнув от него, они сбежали через Иран в Азербайджан, где местные правители, чтобы избежать разорительных набегов, с радостью наняли их для использования против своих соперников и даже для набегов на армяно-византийские границы. Так в этих местах впервые появились воины, которым позже было суждено сыграть там такую важную роль. В какое-то

время разногласия между сыновьями Махмуда позволили Сельджукам вернуться в Западный Хорасан, откуда они совершали небольшие грабительские набеги во всех направлениях. Сын Махмуда Масуд вышел из борьбы победителем и обратил свое внимание против Индии и Буидов, а не против огузов, которые в отсутствие хоть какого-то лидера вели себя как обычные бандиты, против которых требовались рутинные действия местной полиции.

Однако другие Сельджукиды из Хорезма, испугавшись ягбу огузов, который был хозяином Дженда, решили уйти, чтобы занять область в Центральном Хорасане, пустовавшую после того, как оттуда ушла первая группа туркмен (т. е. тюрков, принявших ислам). Когда им не дали разрешения, они захватили землю силой. На этот раз у них были лидеры в лице братьев Чагры и Тогрула, которые знали, чего хотели. Они добились, что их признали «подопечными правителя правоверных», и рассылали во все стороны налетчиков. Но в то же время они выставляли себя образцовыми правоверными и так успешно укрепляли отношения с ортодоксальными кругами больших городов, что настал день, когда последние, устав от разорения, от которого власть Газневидов, сама по себе искусная во взимании налогов, не могла уберечь их сельскохозяйственные угодья, решили подчиниться лидерам сельджуков, чтобы хотя бы направили свой воинственный пыл куда-нибудь еще. Таким образом Мерв и Нишапур покорились Чагры и Тогрулу (1028–1029 гг.). Только тогда Масуд осознал реальную опасность. Против туркмен были отправлены войска. Но это были тяжеловооруженные войска, неспособные поймать туркмен в степи, к тому же деморализованные от жажды и отсутствия перспективы разжиться какой-нибудь добычей. Однажды сельджуки все же рискнули дать бой на равнине Данданакан, к северу от Мерва. Масуд был разгромлен и бежал в Индию (1040 г.). Хорасан и далее все Иранское нагорье лежало открытым перед тюрками-туркменами.

Оставив Мусу, а позже других, опустошать границы собственно государства Газневидов (соответствовавшего современному Афганистану) в направлении Систана (Юго-Восточный Иран), Чагры и Тогрул поделили то, что уже завоевали, и то, что еще предстояло завоевать. Чагры досталась их база – Хорасан и его окрестности, Тогрулу была предоставлена свобода завоевывать все, что сможет, в западном направлении. Чагры добавил к Хорасану Хорезм, вынудив Караханидов и Газневидов признать его власть. Чего бы не ждали в то время последние, им надо было удержать город Газни, защищенный горами, такими неприступными в глазах туркмен. Чагры умер около 1058 года, и его место занял его сын Алп-Арслан, долгое время бывший реальным правителем страны. Тем временем другой его сын, Кавурт Кара-Арслан, урвал себе автономное княжество Керман (Южный Иран), которое просуществовало без особых изменений до конца XII века.

Но самых впечатляющих достижений добился на западе и юго-западе Тогрул. С точки зрения методичности, с которой с самого начала велись военные и дипломатические действия, не вызывает сомнений, что уже на самом раннем этапе этот Сельджукид ставил перед собой четко определенные задачи. Его завоевания имели целью захват Иранского нагорья, или, если быть более точным, дорог, проходивших через это плато, которые в одну сторону вели в Багдад (и места поклонения), а в другую – в Азербайджан, Армению и византийскую Малую Азию. Предварительные набеги совершал в основном его сводный брат Ибрагим Инал, а окончательный захват он сам. Таким образом с 1040 по 1044 год Тогрул занял прикаспийские области Хорасана, а затем Рей и Хамадан на Иранском нагорье и стал властителем Исфахана. Во время этого наступления он встретился с первой группой туркмен, которые отказались признать его своим правителем и ушли через Курдистан в Верхнюю Месопотамию. Там они были истреблены курдами и бедуинами, объединившими свои силы против этих скотоводов, которые могли составить им конкуренцию. Престиж Сельджукидов не сильно пострадал от этого, напротив, местные правители стали думать, что лучший способ избежать новых разорительных набегов – это прийти к соглашению с Тогрул-беком.

Однако Тогрул не забывал, что его главную силу по-прежнему составляют его туркмены. Это создавало ему большую проблему, поскольку он не мог с ними ссориться, но, с другой стороны, его цели не совпадали с их целями. Если он хотел, чтобы его мусульманские провинции, число которых росло, признавали его как суверена, для него было критически важно прекратить грабежи. Но с точки зрения туркменов, грабежи были единственной целью войны. Однако существовал один выход: в Северном Иране пролегал традиционный путь в Армению и Малую Азию, принадлежавшую Византийской империи, а значит, к христианам, против которых можно было развязать «священную войну», следуя традициям, унаследованным тюрками от гази Центральной Азии, о которых им могли напомнить мусульманские обитатели приграничных территорий Азербайджана и Месопотамии. Само по себе это не интересовало Тогрула, но это могло поднять его престиж и давало возможность посылать туда туркменов в промежутках между экспедициями в исламские страны и, таким образом, избежать их самовольных инициатив. Было бы лучше предоставить им лидера или вести их самому. Именно такой характер носили две экспедиции в Армению: Ибрагим Инала в 1049 году и самого Тогрула в 1054-м. Кроме того, они позволили этому Сельджукиду укрепить свою власть как сюзерена над мелкими курдскими князьями и завоевать уважение среди грузин.

Таковы были условия в 1055 году, когда произошло решающее событие в судьбе Тогрула: он вошел в Багдад. По поводу того, при каких обстоятельствах это произошло, велось много споров. Однако нет сомнения в том, что все случилось более-менее мирно. Но правда ли хватило одного страха, или в самом Багдаде нашлись те, кто был сторонником установления власти Сельджукидов? Со стороны Тогрула нет вопросов, что он одержал эту победу путем переговоров. Он объявил себя сателлитом халифа правоверных, готовым вернуть Багдаду традиционную веру, дискредитированную буидскими правителями-Буидами, которые были защитниками халифата, но шиитами, и, более того, как можно скорее начать войну с самыми опасными еретиками, халифами Каира, которые были исмаилитами-Фатимидами. Короче говоря, принимая на себя программу, которую не смогли осуществить Газневиды, Тогрул-бек провозгласил, что хотел положить конец мародерству и всем другим чрезмерно жестким формам оккупации в Ираке, и в то время, когда его войска вели тяжелое наступление в Курдистане, его поведение практически полностью соответствовало этим словам. В то же время в Багдаде Буидам больше не удавалось оправдывать свой протекторат, поскольку они больше не могли демонстрировать способность поддерживать порядок, даже в своих собственных войсках. Учитывая неизбежные в будущем разногласия между халифатом и султанатом, некоторые авторы не верят, что вход Тогрула в Багдад мог быть желанным для окружения халифа. Однако применительно к визирю Ибн аль-Муслиму это практически не вызывает сомнения, и трудно поверить, что его господин об этом не знал. С 1050 года, когда Тогрул окончательно завладел Исфаханом, этот человек был удостоен нескольких почетных титулов, ставивших его выше всех правителей. Наконец, вход в Багдад состоялся, и две власти объединились, в то время как главнокомандующий тюркских войск Буидов аль-Басасири сбежал. Халифат, который больше века терпел «протекторат» военачальников, не мог рассчитывать на восстановление былой власти. Однако в отношении Тогрула, этого тюркского (теперь туркменского) правителя, который демонстрировал огромное почтение и, по крайней мере, был суннитом, он мог питать определенные надежды. И безусловно, халифат обрадовался большому материальному комфорту, а значительная часть администрации (хотя бы в Багдаде) – подлинному, пусть и подчиненному, государственному управлению. Халиф пожаловал Тогрулу титул «царь Востока и Запада», дававший ему право и миссию завоевывать мусульманские территории, особенно те, которые не признавали Аббасидский халифат. Он также присвоил ему титул султана, который долго использовался, но который, как нам теперь кажется, был официально использован впервые и означал предоставление всей полноты власти и гарантировал санкции халифа. В довершение всего халиф женился на племяннице султана.

Тем не менее в одно время все оказалось под угрозой. Под эгидой фитимидских эмиссаров была создана обширная коалиция, куда входили не только войска аль-Басасири, но и других арабских правителей Месопотамии, которых беспокоило доминирование Сельджукидов. Поскольку большинство из этих правителей были шиитами, они боялись, что, опираясь на политические амбиции и силу Сельджукидов, туркменские скотоводы составят конкуренцию их бедуинам. В то же время определенное недовольство стало возникать и среди туркменов, которых злило длительное пребывание в Ираке без возможности грабежей, вдали от своих семей и стад, в климате слишком жарком для их верблюдов и без всякой перспективы широкомасштабного расселения. Князья в окружении Тогрула, привыкшие считать его всего лишь *primus inter pares*, были возмущены, обнаружив, что он стал вести себя как ирано-мусульманский владыка, окружали себя иранцами или даже арабами. К тому же они считали, что им неоправданно мало платят за службу. В результате в Иране и Верхней Месопотамии вспыхнул мятеж связанных с месопотамской коалицией туркменов, возглавляемый Ибрагимом Иналом, а точнее, Кутлумушем, сыном Арслана/Израила, который поступил на службу к своему кузену. Твердость Тогрула, здравомыслие его визиря аль-Кундури и помощь Алп-Арслана обеспечили султану победу. Сначала Багдад был захвачен аль-Басасири, там возносились фатимидские молитвы, Ибн аль-Муслима предали смерти, а халифа передали в руки правителю арабов. Однако вернувшиеся из Ирана победоносные войска сельджуков снова заняли Багдад, поймали и убили аль-Басасири и освободили халифа (1059 г.). Тогда все арабские правители поспешили изъяснить свою покорность и как вассалы получили права на свои территории, которые при данных обстоятельствах Тогрул не пожелал у них отбирать. Так поступил и самый влиятельный из них, правитель Мосула из укайлидской династии Курейш. Таким же образом пришлось долгое время выражать свою покорность и курдам из племени Марванидов в верховьях Тигра. Правда, потом гордость побудила Тогрула сделать сверхамбициозный шаг. После того как он во второй раз спас халифа, он решил, что вправе просить в жены одну из его дочерей. Это было совсем другое дело, поскольку, какие бы услуги он ни оказывал, в глазах потомка дяди пророка Мухаммеда Тогрул по-прежнему оставался не более чем варваром и выскочкой. Тем более что Тогрулу было около 70 лет, и он был бездетным. Должно быть, халифа вынудили понять, что сопротивление бесполезно, и свадьба состоялась по тюркскому обряду. Но потом (в 1063 г.) Тогрул умер, и сейчас невозможно сказать, как развивались бы его взаимоотношения с халифом. Его наследник Алп-Арслан, то ли добровольно, то ли потому, что был занят в других местах, никогда не бывал в Ираке и не вмешивался в дела халифа, поддерживая абсолютно корректные отношения с правительством Аббасидов.

Воцарение Алп-Арслана, сына Чагры и племянника Тогрула, состоялось не без сложностей, которые стоит описать из-за причастных к ним личностей. Ему пришлось сражаться против сына одной из жен Тогрула, дочери хорезмшаха, на которой он женился во время своего пребывания в Хорезме (ее сын не был Сельджукидом, но у него были сторонники, поскольку Тогрул не имел детей), против Кавурта из Кермана, которого он победил, и, наконец, против Кутлумуша, опиравшегося на туркменов и, возможно, на еретиков из Северного Ирана. Кутлумуш был убит, но вскоре мы встретимся с его сыновьями. Визирь аль-Кундури, колебавшийся между партиями, которого к тому времени сменил назначенец Алп-Арслана Низам аль-Мульк, был казнен по навету последнего, что было редким явлением, причины которого неясны.

Царствование Алп-Арслана, в своем лице объединившего хорасанское наследство своего отца и ирано-месопотамское наследство, доставшееся ему от дяди, запомнилось прежде всего как правление великого воина, каким он показал себя на границах Центральной Азии, сражаясь с Караханидами и Газневидами, но прежде всего на Западе. Его политика шла в тех же двух направлениях, что и у Тогрула, но он сделал еще один шаг вперед. Туркменов больше не удерживали в Ираке или в Центральном Иране, и теперь они предприняли массированное наступление на Армению, а вскоре и на византийскую Малую Азию, проникая все глубже,

но только с целью грабежа. Некоторые из них базировались в Азербайджане, другие – таких было меньше – в Верхней Месопотамии. Всему этому содействовали состав войск Византии (см. выше), разногласия между армянскими и византийскими лидерами и вызванный этим периодический отвод войск, стоявших на границе, а иногда прямой и открытый призыв к туркам-туркменам присоединиться к одним против других. Таким образом, всего за несколько лет туркмены разграбили весь район Аракса и двух верхних рукавов Евфрата до места их слияния, а также район Малатии (Мелитены). В 1059 году один отряд дошел даже до важного центра Сивас (Себастья), расположенного гораздо дальше к западу. Другие рейды доходили до Эдессы, где туркмены осаждали недавнее приобретение Византии – греческие крепости, стоявшие на юго-восточных границах Малой Азии.

Однако необходимо различать две группы этих туркменов, несмотря на то что разделительная линия между ними вовсе не была четкой. Были такие, особенно среди тех, что шли в юго-восточном направлении, которых, возможно, послал Алп-Арслан с целью быстро пробить дорогу для своих дальнейших действий. Но были и другие, которые действовали, не подчиняясь никаким приказам и дозволениям, или те, кто был настоящими мятежниками, искавшими убежища – пусть и временного – за пределами мусульманских территорий, зависевших от султана. Таким, например, был случай с одним афшином, который в 1067–1068 годах дошел до Кайсери (Кесарии) и даже Амория во Фригии (ок. 170 км к юго-западу от Анкары), находящихся далеко на западе Анатолийского нагорья, а в 1070 году – с дядей Алп-Арслана Эрисгеном (?), который, будучи преследуем афшином, вернувшись себе благосклонность правителя, поступил на службу к византийцам и с которым мы еще встретимся позднее. Кроме того, банды самого разного происхождения стремились поступить на службу к сирийским и другим правителям. Например, некий Ибн Хан, который поступил к Мирдасидам из Алеппо, после того как служил Марванидам и даже византийцам, или один из подчиненных Эрисгена, который в 1070 году поступил на службу к Фатимидам, чтобы завоевать бедуинов в Палестине, а потом, сочтя полученное вознаграждение недостаточным, в 1071 году ради собственной выгоды взял Иерусалим.

Чтобы предотвратить вторжение на свою территорию, Византия несколько раз пыталась вступать в переговоры с Тогрул-беком, а позже с Алп-Арсланом. Последний, чьим главным проектом был поход против Египта через Сирию, не был *a priori* против, хотя во время своего последнего наступления он без колебаний прикрыл свой византийский фланг туркменами. Кроме того, он практически не мог влиять на тех туркменов, которые не были его подданными. В его царствовании можно выделить два периода. Во время первого он в 1064 году с помощью набегов туркменов совершил важное для себя завоевание города Ани, бывшей столицы Армянского царства, незадолго до этого захваченной византийцами. Тогда речь еще не шла о традиционной территории Византии, тем более что в Армении существовали мусульманские эмираты. Но потом Алп-Арслан пожелал отнять у Византии крепости, например Эдессу, которые были форпостами продвижения Византии с территории Малой Азии на мусульманские земли и несли им потенциальную угрозу. Однако в 1068 году, когда Алп-Арслан в рамках своей «священной войны» с неверными совершал новый поход, изначально затеянный для усиления его власти над непокорными мелкими князьями, жившими на крайнем северо-западе Ирана, он повернул свои войска против грузин. В 1071 году он пришел в Сирию и заставил правителя Алеппо, который, как и его подданные, был шиитом, вознести молитву в честь аббасидского халифа и признать себя его вассалом (хотя до этого был вассалом Фатимидов), и, наконец, подготовил нападение на Фатимидов.

В Византии тем временем относительный провал политики переговоров спровоцировал военную революцию. Новый император Роман Диоген решил ответить применением силы. Но то ли по причине того, что он плохо различал разных тюрков, то ли по каким-то другим причинам, он первым делом атаковал Алеппо и Ибн Хана, захватив Манбидж (1063 г.). На следу-

ющий год он повернул в сторону Армении, но, что характерно, даже тогда не смог удержать туркменские силы от проведения операций в неохраемых тыловых областях, под прикрытием концентрации армии на границе. В 1071 году император планировал нанести большой удар. Алп-Арслан, по-видимому, считал, что обезопасил себя с помощью переговоров, в которые вступил ранее, когда начал поход на Египет. Именно тогда он узнал, что византийская армия через Армению атаковала границы его собственных земель.

Могло возникнуть впечатление, что среди туркмен было общее замешательство, однако, благодаря мобильности их войск, параллельно появлялось ощущение их концентрации в заданном регионе. Что же касается византийской армии, то она была слишком неповоротливой. Конечно, она была гораздо многочисленнее армии султана, но оказалась полностью деморализована грабежами в тех регионах, через которые она проходила. К тому же она состояла из разно-племенных наемников, которые часто бунтовали одни против других или против императоров и были чужды всякому патриотизму. Неудивительно, что они подозревали друг друга в предательстве: армяне подозревали греков, греки – турков и наоборот, не говоря уже о русских и франко-норманнах. Встреча византийской армии с Алп-Арсланом состоялась в августе 1071 года вблизи византийской – но до этого мусульманской – пограничной крепости Манцикерт (Малазгирт) в верховьях притока Евфрата реки Мурат. Даже если считать, что более поздние мусульманские хроникеры позволили себе некоторое преувеличение и игру воображения, нужно признать, что столкновение двух императоров произвело глубокое впечатление на тех людей, которые знали, как высоки ставки, и не все в наставлениях официальных проповедников Халифата, которые они, по словам летописцев, изливали на туркменское войско, было ложью. Так или иначе, но, возможно, Алп-Арслан устроил ловушку в тюркском стиле и при помощи притворного отступления дезорганизовал византийскую армию. Их деморализованное состояние довершило остальное. К вечеру впервые в мусульманской истории бацилевс стал пленником мусульман.

Масштаб его победы над Византийской империей, оказавшейся не способной противостоять ему, был таким, что Алп-Арслан смог оккупировать большую часть Малой Азии без особого труда. В связи с этим еще удивительней наблюдать чрезвычайную мягкость его политики. Он освободил Романа Диогена в обмен на выкуп, обещание альянса и возвращение пограничных крепостей, захваченных Византией за предыдущие полвека. Алп-Арслан не был заинтересован в захвате страны, не имевшей ничего общего с мусульманами, если, конечно, эта мысль вообще приходила ему в голову. Рим был вечной сущностью, как ислам. Более того, оказавшись там, туркмены едва ли смогли бы усилить свою власть и независимость, а трудности, с которыми им пришлось бы столкнуться, подвергли бы риску его главный проект – поход против Египта и необходимость защищать другие свои границы. Истинное значение Манцикерта состоит в том, что с того времени туркмены могли без труда войти в Рим, но намерения Сельджукидов были иными. Мы не можем сказать, что сделал бы Алп-Арслан, если бы у него было время сформулировать свою политику, когда византийцы отказались принять назад Романа Диогена и его место занял Михаил VII Дука. Нет никаких оснований считать, что это внесло бы существенные изменения в линию поведения Алп-Арслана. На самом деле в тот момент он был вынужден предпринять поход против Караханидов в Центральной Азии. Именно тогда этот человек, который захватил в плен императора Византии, глава величайшей исламской империи, которому Манцикерт принес бессмертную славу, погиб при туманных обстоятельствах, будучи убит во время ссоры с пленником неизвестного происхождения – подходящая история для моралистов.

Преемником стал его малолетний сын Малик-шах (Мелик-шах) под опекуном визиря Низам аль-Мулька, обладавшего значительной властью. В отличие от своего отца и Тогрула Мелик-шах не был степным тюрком по крови. Даже имя, под которым мы его знаем, соединяющее в себе арабский титул «малик» (царь) и его персидский эквивалент «шах» вместо тюрк-

ских имен его предков, означает унификацию ислама на его древних территориях. В силу своей юности и воспитания он полностью отличался от двух своих предшественников, которые оба были военачальниками. И хотя временами вел за собой войска Низам аль-Мульк, он прежде всего, конечно, был администратором и дипломатом. При правлении Мелик-шаха империя Сельджукидов существенно увеличилась, отчасти за счет дипломатии, отчасти за счет действий его военачальников и, наконец, – и это, возможно, главное – за счет всеобщего желания установить порядок и наладить мирную жизнь под защитой того, кто обладал самой сильной властью.

Позже мы вернемся к теме событий, происходивших в Малой Азии, которые, как станет видно, едва затрагивали Мелик-шаха и государство сельджуков. В остальном, если не считать некоторые границы с Сирией и Аравией, укрепление империи состояло в основном в прямой аннексии государств и княжеств, которые до этого были вассалами сельджуков. В Центральной Азии Мелик-шах успешно поддерживал протекторат над Караханидами, которые сами были разделены, и заключил мир с Газневидами. В Аравии благодаря Артуку Мелик-шах подавил карматскую общину в Бахрейне и со временем добился признания своего сюзеренитета, связанного с сюзеренитетом халифата Аббасидов, над священными городами ислама (которые, тем не менее, в целом склонялись больше к Египту – не по линии Фатимидов, а потому, что нуждались в поставках оттуда продовольствия). Особенно заметного продвижения Мелик-шах добился в Сирии и Месопотамии. Если коротко, то его главными достижениями были следующие. Начнем с того, что визирь халифа Ибн Джахир получил от Мелик-шаха разрешение уменьшить принципат Марванидов в Диярбакыре, хотя они всегда оставались ему верными. Тем временем в Сирии произошла целая серия важных событий. Атсиз, конфликтовавший с Фатимидами, пришел к соглашению с Мелик-шахом и стал хозяином Дамаска и всей Центральной Сирии (в стороне от побережья) в дополнение к Палестине. Под угрозой агрессии со стороны Египта он обратился к султану. Кроме того, арабы из Алеппо тоже высказывали недовольство туркменами и, утратив уверенность в том, что их династия способна их защитить, стремились получить более надежные гарантии от Мелик-шаха. Теперь Мелик-шах отправил в самостоятельный поход в Центральной Азии одного из своих братьев, Тукуша, и собирался сделать то же самое в Сирии с помощью другого своего брата, Тутуша. Под предлогом помощи Атсизу Тукуш вошел в Дамаск и предал своего предшественника смерти (1079 г.). По дороге он напал на Алеппо, но его неуклюжие действия привели к тому, что жители приняли промежуточное решение – подчиниться правителю Мосула из династии Укайлидов, Муслиму ибн Курайш, который был вассалом Мелик-шаха и его шурином. Мелик-шах подумал, что на данный момент будет политически разумно признать *fait accompli*, и потому позволил создать принципат, в который входили провинции Мосул и Алеппо вместе с соединявшими их путями, как сделали в X веке Хамданиды и позже в XII веке повторили Зенгиды. С северо-запада это государство граничило с княжеством, созданным подчинявшимся Роману Диогену армянином Филаретом. Порты на юге сирийского побережья оставались египетскими, тогда как на ливанском побережье был создан автономный шиитский принципат под контролем кади Триполи Бану Аммара. Наконец, мы видим, что византийская провинция Антиохия попала под власть Сулеймана, сына того самого Кутлumuша из ветви Сельджукидов, идущей от Арслана/Израиля, который встретил свою смерть в борьбе за трон с Алп-Арсланом. Разразилась война между ним и Муслимом, и Муслим был убит. Люди из Алеппо воззвали к Мелик-шаху, а в ожидании его приезда – к своему соседу Тутушу. Сулейман был убит. Мелик-шаху оставалось только приехать и пожать ожидавшие его плоды. Территории Укайлидов были захвачены, как и сама провинция Антиохия, и султан направил своего коня, чтобы «напоить его» в Средиземном море, воздавая хвалу Аллаху, который позволил ему расширить свои владения от Восточного до Западного моря. Тутуш остался на месте, но теперь, конечно, при условии, что он будет находиться под пристальным контролем и теснее взаимодействовать с империей (1086 г.). После

Сирии Мелик-шах, вероятно, не оставил мысли о задуманном его отцом походе на Фатимидов, которые, со своей стороны, не переставали интриговать против него. Однако ему суждено было умереть, так и не реализовав этот проект, который больше никогда не возобновлялся, по крайней мере, со стороны Сельджукидов. Тем не менее около 1090 года империя достигла своего апогея, протянувшись почти до конца Аравии и границ с Индией и охватив почти все мусульманские территории в Азии.

Глава 2

Империя Сельджуков и тюрки

Теперь пришло время рассмотреть саму империю того периода. Повторим, что ее полное исследование может быть с теми же, если не с большими основаниями отнесено к истории арабов, или иранцев, как и к истории турок, поэтому в данной работе вопрос об этом не ставится. Тем не менее мы должны детально рассмотреть следующие два вопроса. С одной стороны, что в ней можно считать именно тюркским? С другой стороны, какие особенности, заложенные в ее организации, позволяют понять более позднюю Турцию, возникшую в Малой Азии?

Для начала мы будем знакомиться не с появлением отдельных молодых тюрков, которые очень быстро денационализировались, а рассмотрим миграцию народа как такового – мужчин, женщин и детей, не говоря уже об их животных – со своей социальной структурой и обычаями. Однако, что касается численности населения, нельзя ни преувеличивать, ни делать обобщения для всех регионов. Очевидно, что мысль подсчитать количество мигрантов бесплодна. Их определенно было несколько десятков тысяч, но цифра в несколько сотен тысяч маловероятна. И даже если бы было возможно примерно назвать изначальную цифру, она быстро потеряла бы значение, поскольку новые условия жизни могли в зависимости от обстоятельств как стимулировать, так и уменьшать рождаемость. Важными являются не абсолютные цифры, а соотношение численности иммигрантов и местного населения, которое сложно оценить. Это соотношение также могло быстро меняться, если сравнительно большое число молодых местных женщин было взято в жены вновь прибывшими, либо насильно во время набегов, либо мирно, если местные жители хотели, чтобы их защитили. Учитывая все это и на время оставив в стороне Малую Азию, получаем не такой большой регион тюркской миграции, помимо Азербайджана, где азербайджанский диалект, являющийся одной из ветвей огузских языков, остается по сей день доминирующим по сравнению со своим древнеиранским предшественником. К Азербайджану была добавлена часть Диярбакыра, протянувшаяся за горы Северного Курдистана. В остальной части империи сельджуков климат был слишком жарким, сухим и малопригодным для скота туркмен, и отдельные изолированные поселения существовали лишь в Хузестане, в Фарсе и в некоторых частях гор Курдистана. Те немногие туркмены, которые поселились в Сирии, были изгнаны оттуда во время крестовых походов, и потому с исторической точки зрения не играют роли. Конечно, помимо этих групп были еще гарнизоны в городах. Здесь, однако, мы имеем дело не с тюркским населением, а с расширением такого старого института, как профессиональная армия, которая с течением времени по своему происхождению начинала отличаться от туркмен, поскольку в армию брали рабов, захваченных в Центральной Азии и в русских степях.

Хотелось бы иметь возможность описать экономические условия, в которых жили иммигранты-туркмены. Современные турки страдают своего рода комплексом неполноценности из-за того, что их предки были кочевниками, и потому склонны придавать особое значение имевшимся очагам оседлости. Мы уже упоминали об этом, говоря о Центральной Азии. Но даже притом, что изначально они были кочевниками, вполне возможно, что некоторые из них очень быстро становились оседлыми. С этой же проблемой мы столкнемся в Малой Азии. Однако трудно отрицать, что во времена их иммиграции мы в основном имеем дело с кочевниками. В дальнейшем нужно различать тех кочевников, которые совершали переходы на большие расстояния и держали двугорбых верблюдов, способных переносить холодные зимы, и тех, которые разводили овец или другой скот, требовавший лишь небольших перемещений для выпаса, или тех, кто занимался скотоводством обоих типов. Было бы интересно знать, совпадает ли разделительная линия между этими типами с границами племен. На данный момент мы можем лишь задавать этот вопрос. Еще один пункт, на котором следует заострить внимание, – разли-

чалась ли степень их соперничества с местными скотоводами и условия проживания в зависимости от типа скотоводства. Совершавшие длительные переходы кочевники не должны были составлять большой конкуренции обитавшим в горах курдам, которые перемещались в основном по ограниченной территории. Политически перемещение на большие расстояния наряду с другими факторами позднее сделало их склонными к формированию более сплоченных общественных объединений, чем сильно разобщенные между собой общины курдов. Что касается арабов, одни из которых держали верблюдов, в то время как у других не было ни одного, то различия, скорее всего, проходили по линии, разделяющей двугорбого среднеазиатского верблюда-бактриана и одногорбого дромадера жарких пустынь.

Несмотря на ценность этих общих наблюдений, в настоящее время нам трудно заглянуть глубже, и читателю, как и в случае с завоеваниями и экспансией арабов несколькими веками ранее, остается лишь поразмыслить о том, что общепринятое представление о кочевниках-скотоводах как о разрушительном и некультурном негативном явлении может быть в той же степени ошибочным, как и справедливым. Когда независимо от причины речь идет о нападении кочевников на культивируемые земли, результат очевидно отрицательный. Но это не обязательно так. Экономика кочевников приспособлена к определенным территориям, которые не могут быть использованы для земледелия, и, как следствие, может повышать ценность регионов, которые до этого не имели никакой ценности. В таком случае она содействует земледельческой экономике, а не ослабляет ее. Очевидно, что именно таков случай Малой Азии, Плодородного полумесяца⁴ и Иранского нагорья. На территории Плодородного полумесяца задолго до описываемых в книге событий арабам удалось более-менее договориться с местным земледельческим населением. В Малой Азии, где было развито племенное скотоводство, которое, однако, находилось в основном в руках полуоседлых пастухов, дело обстояло не совсем так, как и в Иране, в стороне от гор Курдистана, Луристана и Белуджистана. Поэтому появление новых мигрантов могло привести к возникновению молчаливых договоренностей между соседями, таких, какие долгое время существовали на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, где оседлые жители и кочевники обменивались своей продукцией, не говоря уже о распределении навоза от их животных по культивируемым землям. На данный момент это не более чем неподтвержденные наблюдения⁵, но, если приглядеться к ним повнимательней, можно обнаружить некоторые исторические иллюстрации, с которыми знакомы все географы в современных им обществах.

Мы обратимся к тюркским племенам огузов-туркменов. Легенда о том, что их 24, очень хорошо известна, если судить по материалам, попадающим в словарь Махмуда аль-Кашгари. Тем не менее невозможно не удивиться контрасту почти полного молчания текстов, близких по времени к тюркской экспансии, и мельчайшим подробностям в полу-фольклорных записках конца Средних веков. В XIII веке перед нашествием монголов, которому было суждено отбросить или привнести новые группы населения, в государстве сельджуков можно идентифицировать только несколько из тех 24 племен. Это кынык, дёгер, ягма, салур и афшар, немного позже ива, а потом снова первое, но только в связи с тем, что это племя самих Сельджукидов (дёгер – племя Артукидов). Все говорит о том, что упор на племенной аспект и традиции разных племен был связан с подъемом государств туркменов [турок-османов] в XV веке. Во времена завоеваний сельджуков об этом, очевидно, говорилось меньше, хотя, исходя из нетюркских

⁴ Плодородный полумесяц – условное название региона на Ближнем Востоке, в котором в зимние месяцы наблюдается повышенное количество осадков. Местность была так названа из-за ее богатой почвы и формы (на карте), напоминающей полумесяц.

⁵ Именно неподтвержденные – как правило, пришельцы-кочевники до поры подавляли и эксплуатировали земледельческие сообщества, а в дальнейшем либо сами менялись, становясь в основном оседлыми или полуоседлыми (как турки в Малой Азии), либо истреблялись в результате восстания покоренных культурных народов – как монголы в Иране, где они были почти полностью вырезаны в ходе восстания сербедаров («отчаянных», «висельников» в пер. с фарси) в 1337–1353 гг.

литературных источников, мы не можем с точностью утверждать, что думали тюрки. В любом случае племенная структура, по-видимому, не имела у них такого значения, как у некоторых арабов, и миграция шла разрозненными смешанными группами.

Империя Сельджукидов, которая своей изначальной силой обязана туркменам, была империей, где они очень скоро стали казаться если не инородной, то, по меньшей мере, обособленной группой. Земли, которые они завоевали для своих хозяев, были старыми мусульманскими странами со своей традиционной административной и военной организацией, навязавшей себя новым хозяевам, тем более что они не имели никаких равнозначных традиций, или их традиции не могли быть применены к их новым подданным. Таким образом, новое государство в целом состояло из обществ, существовавших до него и помещенных во внешний тюркский (туркменский) каркас.

Этот тюркский каркас, безусловно, был представлен правящей династией, обладавшей определенными индивидуальными характеристиками. Так, Тогрул-бек и Алп-Арслан в основном придерживались тюркского образа жизни, причем первый наверняка совершенно не знал арабского языка и едва ли знал персидский (фарси). Даже Мелик-шах и его преемники продолжали говорить в основном на тюркском (туркменском), а последний представитель этого рода в Хорасане, Санажар, в XII веке, вероятно, носил одежду и прическу в тюркском стиле, хотя его сородичи в Восточном Иране, возможно, этого не делали. Полутрадиционные детали проявляли себя и в определенных практиках: как и у многих народов Центральной Азии, у тюрков существовал древний обычай почитания лука и стрелы, как символа власти, и стрела, пущенная из него вождем, становилась гарантией его правомочности. Мы снова встречаем записи о присутствии этой практики при Мелик-шахе, а у Артукидов даже позже, около 1120–1125 годов.

В частности, одно из хорошо известных установлений – тугра – в своей основе связано с этой практикой. Многие люди имели возможность видеть на османских грамотах затейливые символы из переплетенных стилизованных букв, вписанных в форму крыла бабочки, которые подтверждают подлинность текста. При Османах это было не более чем стандартное изображение, значение которого было утрачено. Но на самом деле оно возвращает нас к Сельджукам. Под названием «тугра», имеющим неясную этимологию, но по смыслу эквивалентным тому, что другие тюркские и монгольские племена чаще называют «тамга», имеется в виду знак, которым клеймили скот, принадлежавший вождю, или который ставили на выпускаемых им письменных документах для подтверждения его власти. Сейчас можно с уверенностью сказать, что тугра первых Сельджукидов обычно содержала различные варианты изображения лука и одной или более стрел и являлась эмблемой, которую использовали в различных церемониях для обозначения их владычества. Когда после оттиска на грамотах в соответствии с традициями старых ирано-мусульманских официальных учреждений стали ставить подписи с титулами, изображение постепенно потеряло свою важность, и последующие государства Сельджукидов, Зенгидов, Айюбидов, Мамлюков, а также Сельджукидов «Рума» (Иконийского или Румского султаната) изменили первоначальную тугру, из которой в конечном счете получилась ее османская форма. Однако поначалу она отличалась даже от традиционной формы для подтверждения подлинности грамот, поскольку была дополнена специальным официальным знаком султана.

В семейном устройстве мы определенно тоже встречаем более ранние тюркские формы, хотя они продолжали развиваться. Неизвестно, какая функция изначально отводилась атабеку, и, хотя в разных обществах существовали определенные эквиваленты, у других тюрков и даже у древних огузов прецеденты еще не замечены. Начиная, по меньшей мере, со времени Алп-Арслана, атабек был военачальником из окружения правителя, которому тот доверял заботу и воспитание своего сына, и в конечном счете атабек, в случае смерти правителя, становился регентом при малолетнем наследнике и даже женился на его вдовствующей матери. Позже мы

увидим, какое развитие в некоторых случаях получала должность атабека, которая перешла к разным династиям, следовавшим сразу за Сельджуками, и даже, по крайней мере в качестве титула, к грузинам.

Становясь мусульманским султаном, правитель Сельджукид получал некоторые представления о концепции единоличной власти суверена, принятой в халифате, а еще раньше в некоторых царских династиях (только не у Буидов, которые вышли из более традиционалистского народа дайламитов, обитавших на севере Ирана). И хотя никто не отказывался от идеи, что все члены семьи имеют определенное право на долю в наследстве, предпочтение всегда отдавалось старшему члену семьи в широком смысле слова. Отсюда все деления и конфликты, некоторые из которых уже были отмечены, тогда как другим суждено было повториться в XII веке. Отсюда также – хотя были и другие причины – предоставление уделов, как в случае с Тукушем и Тутушем.

Имя Мелик-шах и, главным образом, арабские имена его наследников означали относительную денационализацию их культурного и политического облика. Однако помимо исламского имени они часто получали и тюркское, под которым иногда их знали даже больше, как, например, Санужара, с которым мы встретимся в XII веке. К концу династии, словно чтобы наделить слабеющую власть славой ее предков, последних двух Сельджуков в Иране называли Арслан и Тогрул. В отличие от Сельджукидов «Рума» они не опирались на знаменитую мифологию Персии. Однако в полном списке их титулов значились вперемежку арабские, персидские и старые тюркские титулы.

Сила режима зиждилась в основном на армии. Изначально она состояла только из туркменов. Но начиная с правления Мелик-шаха, ядро армии стало профессиональным, состоящим наполовину из рабов, хотя в ней еще фигурировали полководцы-туркмены, давно оторванные от своего народа, как, например, Артук. Молодых знатных туркменов забирали ко двору для несения воинской службы, и это было одним из способов обеспечить их лояльность. Однако в XII веке армия Сельджукидов снова стала такой, какой была армия их арабо-иранских предшественников, за исключением нескольких отрядов, состоявших из свободных людей. Даже этнически эта армия не только из одних тюрков, с тех пор как для курдов стало привычным делом записываться в нее.

Что отличало армию Мелик-шаха от армии Буидов, которая была преимущественно тюркской, так это, прежде всего, ее численность. В силу размеров империи, возможности для набора и политической бессмысленности набора только среди тюрков-туркменов в ней было около 70 тысяч всадников, и Низам аль-Мульк возражал против планов урезать их число из соображений экономии. Эту армию надо было содержать, а воинам платить, и это подводит нас к вопросу об «икта» (надел), на котором мы должны задержаться по причине порожденных ею заблуждений.

На заре ислама название *qati'a* (земельный надел) стало использоваться при передаче государственной земли в ограниченную собственность знатным людям с условием продолжения ее культивации. Ограниченная собственность *qati'a* давала определенные права (дарение, продажа, наследование и т. д.), но подразумевала также определенные обязанности (выплата десятины с урожая) и ограничения (отсутствие административных и «сеньориальных» прав). До тех пор, пока армия была чисто арабской, этой системы в сочетании с обычной армейской платой вполне хватало для ее содержания. Когда в IX веке армия трансформировалась в более профессиональную и более тяжеловооруженную, в основном набираемую в других странах, этого стало недостаточно. Из-за того, что *qati'a* была наследственной, выделение земли невозможно было повторять бесконечно. Поэтому была введена другая система. За исключением той земли, которая принадлежала государству во времена арабских завоеваний, вся оставшаяся земля осталась в руках своих бывших владельцев в обмен на выплату достаточно весомой ренты – хараджа, соответствовавшей земельному налогу при более ранних правительствах.

Такие поместья нельзя было отобрать у их законных владельцев, но существовала возможность передавать знатным людям права на налоги с них, которыми было наделено государство. На самом деле это означало, что им предлагалось платить своему войску непосредственно из этих источников. Какое-то время доход, полученный таким способом, рассматривался как обычный доход и подпадал под уплату десятины. Баланс, сформированный за счет избытка взимаемого хараджа по сравнению с десятиной, представлял личный доход. Эта система имела преимущества для поддержания государственного контроля над территорией. Однако военачальники – бенефициары этой новой концессии – не платили того, что должны были платить. При Буидах было решено пересчитать их льготы, включив в нее десятину, которую они должны были платить, и больше не предъявлять к ним никаких претензий. В дальнейшем военачальник стал единственным представителем администрации в том районе, который был отведен ему в уплату, и все расходы покрывал сам из своего дохода. Именно такой вид концессии в дальнейшем стал называться «икта», от того же корня, как и *qati'a*, но что буквально означает акт передачи.

Однако «икта» такого типа не означала сеньории, и делались меры предосторожности, чтобы этого не случилось. Она определялась своей фискальной стоимостью, и делалось все, чтобы сохранить строгое соблюдение этой идеи. Более того, раз то, что оставалось военачальнику, было его жалованьем, а не платой, взимаемой с земельного участка, этот участок могли у него забрать, заменив обычной выплатой наличными деньгами, или как-то иначе, или он сам мог просить, чтобы ему поменяли участок, если считал свое жалованье недостаточным. Государство могло само поменять участок, чтобы не дать ему слишком закрепиться на этой территории, обзаведясь вассалами или реальной собственностью и, таким образом, обретая опасную независимость. Эта система имела свои минусы, поскольку военачальники оказывались совершенно не заинтересованными в рациональном развитии своих наделов, но зато она, по видимому, полностью защищала права суверена.

Начиная с египетского историка XV века аль-Макризи, все писатели повторяют, что Низам аль-Мульк положил конец этой системе и заменил ее тем, что в европейской терминологии называется «феодальной» системой. Свидетельства того периода, включая самого Низам аль-Мулька, формально отрицают справедливость этого утверждения. Концепция надела «икта», сохранявшаяся Сельджукидами, была точно такой же, как и у Буидов, и за ее соблюдением следили еще более тщательно. Дальнейшее развитие, которое мы видим в XII веке и которое привело к появлению наследуемых владений, стало результатом упадка режима Сельджукидов, а не его силы или появления новой концепции власти, возникшей сразу же после его развала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.